

Осенняя
Светлая

Долушка
ИЗ
ПРЕОБРАЖЕНКИ

Есения Светлая

Золушка из Преображенки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69446743

SelfPub; 2023

Аннотация

Не сложилась у Нади семейная жизнь. Муж не только постоянно изменял ей, но и исчез, оставив в наследство огромные долги. Чтобы выкрутиться из сложившейся ситуации, Надежда решает переехать с маленьким сыном в город. По чистой случайности ей удаётся устроиться помощницей руководителя на швейную фабрику. Ну а дальше начинается история любви и непростых отношений для нашей деревенской Золушки.

Содержание

1	4
2	9
3	11
4	17
5	23
6	27
7	31
8	36
9	42
10	47
11	54
12	61
13	66
14	70
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Есения Светлая

Золушка из Преображенки

1

Надя натянула на ногу разбухший от осенней слякоти сапог. Подошва на правом носу радостно раззявила свой беззубый рот. Эх, заклеить бы...

Вздых раздался гулким эхом в пустом помещении. В фойе сельского клуба было холодно так, что изо рта шел пар. Вот и сапоги, мало того, что сырые, так еще и окончательно застыли. Но идти в грязной обуви к бытовке, где хранились ведра и тряпки, Надя не хотела. Поэтому разулась здесь, у огромной, сваренной из толстенных труб, батареи. Срезали бы ее давным-давно уже, все равно не греет. Отопление теперь осталось только в маленьком кабинете завклуба и в танцевальном зале.

Полтора десятка молодняка, как говорила о посетителях завклуб Любочка Самохвалова, каждые выходные топтались тут под громкую музыку, пили ядреный местный самогон по углам и кидали окурки на крыльцо. Любочка молодняк не гоняла и за отвратительное поведение не отчитывала, считая, что тогда и эти придурковатые приходят перестанут, а не будут ходить на дискотеку, так и вовсе клуб придётся за-

крыть.

В отчетах Любочка, конечно, расписывала свою работу позначимее: был в них и кружок очумелых ручек, и хор, и массовые мероприятия на праздники. Но на деле все сводилось к дискотекам по пятницам и субботам, да новогодней елке, разряженной тут же в танцевальном зале к празднику самодельными игрушками.

Надя старалась приходить к завершению этих коллективных подрыгиваний. Как раз успевала после работы приготовить ужин, накормить Кольку и проверить у него уроки. А потом бежала сюда отмывать полы и отскребать крыльцо. Зимой еще чистила снег, от ворот до входа в сам клуб.

Но до зимы еще далеко. Октябрь лишь пару раз ударил морозом да изредка сорил мелкими колкими снежинками по утрам, все остальное время шли дожди, превращая сельскую грунтовую дорогу в месиво из суглинка и ледяной воды.

Свет на улице и в фойе выключался с одной кнопки, поэтому замок на обитую железом дверь Надя вешала уже в темноте. Руки замерзли и не слушались. Она растерла их друг об друга, затем о тоненькое драповое пальто, и только после смогла справиться со старым замком.

Фонари не горели, поэтому спускалась с крыльца практически на ощупь. Чуть оступилась, перепрыгнула через пару последних ступенек и, чтобы не упасть в грязь, в последний момент уцепилась за деревянные, отполированные временем перила.

В здании сельсовета, стоящего напротив клуба, горел свет. Видно, Макарыч что-то подсчитывает. Дома одному скучно, вот и сидит за работой допоздна. Надя, решив проверить старика, направилась к сельсовету. Кособокое старенькое деревянное здание с яркой новомодной вывеской у двери выглядело нелепо. И уж точно не походило на здание администрации, больше на какой-то полузаброшенный дом.

Покосившееся крыльцо жалобно скрипнуло под ногами. Преодолев три ступени, Надя вошла внутрь. Здесь не в пример было теплее, да и дышалось легче, чем в прокуренном клубе.

– Макарыч, ты здесь? – крикнула Надя с порога.

В ответ раздался забористый храп старика. Надя улыбнулась и прошла внутрь до кабинета председателя.

– Макарыч, – снова она, – пойдём домой!

Старик вздрогнул, дернулся, похлопал себя по заросшим седой щетиной щекам, поправил очки, а потом глянул на посетительницу.

– А, Надежда Петровна! Хорошо, что разбудила. Что-то я заработался. Вот, бюджет подсчитываю, да заснул над ним маленько. Погоди, милая, вместе пойдём. Холодит?

– Холодит. Ветер поднялся, насквозь продувает.

Макарыч окинул взглядом женский наряд, укоризненно покачал головой и ответил:

– Не мудрено. В таком тоненьком пальтишке околеешь, да заболеешь потом.

– Ничего, я привыкла.

– Дурная привычка, Петровна! Ты баба еще молодая, беречься надо!

– Скажешь тоже, – горько усмехнулась Надя. – Куда беречься-то? Уж пятый десяток разменяла, кому я, старуха, нужна.

– Глупости не болтай, – рыкнул на нее Макарыч, надевая толстый болоньевый пуховик. – Сыну нужна. Себе в первую очередь. А возраст мозги должен прибавлять, а не болячки.

– Евсей Макарыч, очки вторые забыли!

– Ах, да, едрешкин-кочерыжкин! Спасибо. Пойдём, Наденька. Где же ключи у меня, были вроде где-то здесь?

Старик сменил очки, положил футляр в огромный карман пуховика. Подумал, покрутился вокруг стола, потом что-то вспомнил и сразу достал из-под разложенных на столе документов связку ключей.

Выключил свет в кабинете, закрыл на замок дверь, проверил. Все тоже самое повторил и на входе в здание.

Надя терпеливо ждала Макарыча. Идти им было все равно в одну сторону, не так страшно, да и вместе все же веселее.

Дом Макарыча находился в метрах пятистах от администрации, жил он один, вдовствовал, хозяйством не занимался. Как и по молодости, все время пропадал на работе, привык все держать в своих руках. Односельчане его очень ценили, а потому переизбирали несчетное количество раз.

Наденька же жила еще дальше, практически на самой

окраине. Дом у нее был большой, просторный, добротный. Когда-то еще свекр помог отстроить да облагородить.

– Что с домом-то решила делать? – вторя ее мыслям спросил Макарыч. Он шел на полшага впереди и освещал дорогу фонариком.

– А что мне с ним делать, Макарыч? Была бы я одна наследница, отдала бы, да уехала. Или вовсе от наследства отказалась. А с Колькой никак. Опека выписать его не разрешает, нужно, говорят, обеспечить равноценным жильем. И он такой же наследник. А значит остается мне одно, свой дом выкупать у банка. Платить за Егорова кредит, чтобы не отобрали дом.

– Эх, как, – крикнул старик. – Так там платежи, наверное, хорошие!

– Не то слово, Макарыч. Не то слово...

– Не потянешь ты с зарплатой нашей, Надь. Тебе бы в город!

– Да понятно это все, Макарыч. Но за один день не сорвешься. Да и в неизвестность ехать, все бросать, – страшно. Работу бы найти.

– Ты бы это, хоть пока Колька на каникулах будет, на разведку съездила. У меня его можешь оставить, если один заботится. Я пригляжу.

– Спасибо, Евсей Макарыч. Подумаю.

– Ну ты это, главное – не вешай нос. Образуется.

2

За разговором дорога прошла незаметно, и уже через минуту председатель тепло попрощался с Наденькой, свернув в сторону своего дома.

Дальше путь лежал по бездорожью и в кромешной темноте. И в прямом, и в переносном смысле.

Макарыч говорит, что все образуется. А как оно образуется теперь? Нет, не образуется. Нужно решаться, ехать в город и искать работу. Снимать хоть какое-то жильё. Кольку в другую школу переводить.

Удружил Егоров, муженек поганый. Сам на том свете спокойно себе отдыхает, ни о чем не заботится. А ей теперь всю эту кашу расхлебывай. Надя чертыхнулась, отругала себя за то, что к ночи вспомнила покойного, тут же перекрестилась, а потом осторожно побрела по обочине, там, где трава уже слежалась плотным ковром, не дающим ногам утопать в грязи.

Колька уже спал. Дверь в его комнату была приоткрыта, и тусклая красноватая полоска света от соляной лампы лениво выползла в коридор и лежала на ковре, словно объевшийся кот.

Надя тихонько разделась, сунула сапоги на полку с электрическим подогревом, еще раз порадовавшись, что смогла купить это чудо техники на распродаже. К утру сапоги вы-

сохнут. Завтра воскресенье, единственный выходной день, нужно успеть заклеить обувь, а возможно даже попробовать ее подшить.

Когда-то в детстве дед показывал, как пользоваться крючком, ловко при маленькой Наде пришивал к старым валенкам новые подошвы. Видела она такой где-то в сараюшке с инструментами, нужно поискать.

Надя прошла на просторную кухню, проверила суп на плите. На дне кастрюли красовались три ломтика картофеля и с половину половника бульона. Колька все-таки не доел и в холодильник не убрал. А завтра скажет, что оставил для нее. Чувствует, что продукты теперь впритык. Ничего от него не скроешь.

Надя вздохнула, вылила в тарелку остатки супа через край, поела. Веки отяжелели, спину ломило от усталости. Она уронила голову на руки, да так и задремала прямо на столе.

Очнулась от мурлыканья кошки, тычущейся мокрым носом в руку. Погладила животинку за ухом, скинула ее со стола и пригрозила пальцем, чтоб той больше не повадно было на стол лезть. Уставшая и обессиленная доплелась до кровати и думала, что сразу уснет. Но не тут-то было. Снова мысли одолели, снова страх схватил за горло. Как теперь им с Коленькой выживать. Прав Макарыч, в город им надо ехать!

3

Никогда она не думала, что Вадим Егоров, который был первым красавцем в их универе, станет ее мужем. Вадим на агронома учился, на два курса старше.

А Наденька на экономиста поступила – сама, на бюджет, рада была безумно. В общежитии комнату дали. И подружка ее, Светка, тоже поступила. Вместе и жили, и радости делили с ней пополам, и горести. Студенческая жизнь закружила, завертела. Хорошо было. Все успевали: и учиться, и по выставкам бегать, и в бассейн, и в спортзал, и в кино.

Надя, конечно, красавицей себя не считала, но и дурнушкой не была. Парни за ней ухаживали, да и на Светку женихи не меньше внимание обращали. Только они все отшучивались, да головы ребятам морочили – на свидания всегда вместе приходили. И к мнению друг друга – с кем стоит дружить, а с кем нет – прислушивались.

А Егоров чисто случайно как-то подошел к ним в кино-театре, за минут пятнадцать до начала сеанса. И просто попросил поменяться местами. Ему нужен был ряд повыше, а девушкам взамен предложил практически те же места, но в центре зала. Подружки и не думали отказываться! Какая удача! Зачем Егорову понадобились места в дальних рядах, сомнений не вызывало. Конопатая Ольга Рябова с третьего курса прослыла девушкой легкой на общение. Она висела

на плече у Егорова и забавно выпячивала губки бантиком, предполагая, что так выглядит более сексуально.

Билетами обменялись, пообщались еще пару минут и разошлись. Надя и забыть забыла про эту встречу. А Вадима зацепило. Понравилась ему Надя Макарова. Быстро он выяснил и где учится, и где живет девушка. Уже через неделю стоял с цветами под окнами общежития, уговаривая ее пойти на свидание.

Светка, по ранней договоренности, подругу в беде не бросала. На свидание ходила с ними исправно, всегда умудрялась садиться посередине, да и вообще не оставляла влюбленного Егорова наедине с дорогой подругой.

Вадим бесился, но отчего-то понимал, что если прогонит Светку, уйдет и Надя. Так и дружили втроем, под приглядом подруги.

Надя хоть и рада была помощи подружки, да только со временем и к Вадиму привыкла. И доверять ему больше стала. Ведь отдельных встреч не ищет, руки не распускает. Интересный и вежливый. Красивый. С лица, конечно, воду не пить, но это приятный бонус. Значит, дети будут красивые.

Когда осознала, о чем подумала, испугалась. Поняла, что тоже влюбилась. Только когда же успела? Вроде и не собиралась.

Вадим оказался проворнее. Он, поняв, что Светка просто так не отстанет, а Надя сама ее не осмелится попросить остаться дома, тоже стал приглашать на свидания своих

близких и не очень друзей. Каждую неделю приводил нового знакомого, смотрел, как реагирует на них Надина подруга, искал подходящего.

Глазки у девчонки загорелись при виде Макса Орлова. Не лучшая партия, но Светка влюбилась по уши. Наде, конечно, это совсем не понравилось, но Светка советы лучшей подруги и слушать не захотела, и даже на Надю обиделась тогда, мол, ты только о своем счастье и думаешь.

Парочка вскоре отпчковалась и ушла в свободное плавание, наконец-то оставив влюбленных без надзора. Но Вадим теперь и сам был настроен на серьезные отношения. Будучи уже без пяти минут специалист, строил планы на будущее, мечтал работать по специальности и часто говорил о заму-жестве.

Надя же была расстроена. Она и с любимым расставаться не хотела, и переживала, думала об учебе. Бросать университет ради ранней женитьбы не хотелось.

Все решилось быстро: сразу после защиты диплома Егорову предложили работу в сельхозкооперативе, с хорошей зарплатой несмотря на отсутствие опыта.

Вадим уехал, Надя осталась учиться в городе.

Казалось, разлука должна была дать возможность оценить ситуацию, немного отвлечься от бушевавших в душе чувств. Только Вадим звонил по пять раз на дню, приезжал к Наде на выходные и постоянно звал к себе. Ему дали корпоративную квартиру, а неподалеку, в соседнем селе, жили его родители

и всячески помогали. Вот и невестку звали к себе в гости познакомиться.

"Мягко стелют, да жестко спать будет!" – говорила Светка, все больше завидуя подруге. Макса она никак не могла удержать, тот был падок на женскую красоту и, хоть явно и не изменял Светке, но подруга в буквальном смысле задыхалась от ревности.

Чтобы удержать любимого, она быстро решилась на более серьёзные отношения. И возможно, при другом подходе, ее судьба бы сложилась иначе, но решила Света сделать ход конем. Не стала предохраняться, через пару месяцев забеременела. Макс к тому времени оказался в неприглядном положении: за регулярные прогулы и несдачу сессии его могли отчислить, а потом и забрать в армию.

Светка, пожалев о своем скоропалительном решении, испугалась, напилась таблеток, которые хорошие знающие советчицы через каких-то знакомых достали. Таблетки не помогли. И жениха не отчислили. И беременность никуда не делась, а в скором времени и вовсе стала заметной.

Молодые, после Светкиных угроз и истерик, все же решили расписаться. Родители сняли им отдельную квартиру и даже сыграли небольшую свадьбу. Надя была приглашена почетной свидетельницей, Вадим, по общему согласию двух подруг и жениха, стал свидетелем.

Тогда-то и случился их с Надей первый раз. Опыренные долгожданной встречей и радостью за друзей, они с Вадимом

мом нашли укромный уголок, отдавшись своей накопившейся страсти. Весь мир для Нади тогда перевернулся с ног на голову. Поняла она и подругу, так спешившую замуж, осознала и то, что мужчине требуется женская ласка.

И как Вадим еще так долго держался, ждал ее? Ведь там, наверное, много девушек красивых, а деревенские – они ушлые, быстро такого завидного жениха успешного приберут к рукам.

Теперь и Надя заразилась ревностью. Не находила себе места, тосковала больше прежнего.

А Светка, словно дразнила, каждый день рассказывала подруге о том, как счастлива с мужем, как чувствуется ей шевеление ребёночка, как целыми днями они с любимым решают, в каких тонах обставить детскую и какие наряды купить для малышки.

На зимние каникулы Надя не поехала к родителям, а по приглашению Вадима отправилась знакомиться с будущими родственниками в деревню. Там же попала на настоящие смотрины.

За огромным столом собрались все близкие, а Вадима и Надю, словно молодоженов на свадьбе, посадили во главе стола. Поздравляли, сулили сладкую жизнь. Именно тогда и сказал свое веское слово свекр. Налил стопку, встал, серьёзно посмотрел на гостей, на молодых:

" С весны начну закладывать фундамент на ваш будущий дом. Участок уже куплен – большой, добротный. Ты Надя,

пойми, в нашей семье бабы за мужиками, как за каменной стеной. Образование – это конечно хорошо, но путевые мужики долго бобылями не ходят. Думай, только недолго. К лету, как сдашь сессию, переводись на заочное, в августе свадьбу сыграем, в зиму уже в свой дом заедете, это я вам обещаю. Так что, гости дорогие, всех в августе ждем на свадьбу. Ну а кто невеста будет, посмотрим. Надя решится, значит она и будет. Не надумает, так и другую подберем".

Смех над столом пролетел сродни грому. Надя, оглушенная словами, даже не знала, что и ответить. Вадим тогда обнял любимую, поцеловал, прошептал:

– Ну что ты в самом деле, Надь. Ведь только за тобой слово. Скажешь да, и весь мир у твоих ног. Хорошо жить будем, в достатке. И учеба твоя никому не нужна будет.

4

Что в достатке жить лучше, согласны были и Надины родители. Ну и что, что в деревне. До города дорогу отстроят, машина своя будет. Да и не все ли равно, когда с милым везде рай. Надя послушно приняла мнение большинства, сдала сессию, а после перевелась на заочное. В село, где работал жених, она уезжала с надеждой на светлое будущее. Молодости вообще свойственно верить в то, что любые невзгоды нипочём. Вот и Надя верила.

Свадьбу сыграли, дом отстроили. И адрес, как первым поселившимся

на новой улице, дали по желанию. Село Преображенка, переулок Молодоженов, дом 1.

Все было радужным, и медовый месяц сладким. Только одно омрачало Надино счастье. Подруга Светка родила, а через месяц ребеночек умер от порока сердца. Надя и не знала ничего, поехала в город пригласить подругу на свадьбу, а застала ее в квартире одну, обезумевшую от горя.

Муж ее, посчитав Светку виновной в смерти ребенка, ушел жить к родителям. А Светка сидела в четырех стенах, скулила и ненавидела весь мир. И Надю возненавидела, за то, что та счастлива. Обвинила во всех грехах, в том, что Орлова они с Вадимом ей специально подсунули. Прокляла, бросила в спину уходящей Наде, что не видать ей счастья и

детей не видать.

Уезжала от подруги Надя в слезах. В серьезность слов Светкиных не верила. Пыталась потом встретиться с ней еще несколько раз, но итог был таким же. К ноябрю Светку из универа отчислили и она, подав на развод, уехала жить к родителям. На звонки не отвечала, а потом Надя и сама прекратила ее беспокоить. Если человек не принимает помощи, к чему лезть в душу. Она понимала, что подруге требуется время и, возможно, одиночество. Вкупе все это всегда вылечивало израненную душу.

Лишь через год Надя еще раз вспомнила Светкины слова. Первая беременность оказалась замершей на раннем сроке. А потом и вовсе у Нади никак не получалось забеременеть.

Отношения с мужем были хорошими. Не сказать, что Надежда чувствовала себя на седьмом небе от счастья, но и жаловаться было грех. Во всем помогали родители. Да и жили молодые в достатке, как и обещалось.

Постепенно страсть молодых улеглась, интерес пропал и стали они друг другу просто родственниками – жили под одной крышей, каждый занимался своим делом. Вадим работал агрономом, Надя в том же кооперативе кладовщиком. Постоянно на глазах друг у друга, да и у всех остальных на виду.

Вот почему Надя сразу поняла, что муж загулял – люди начали шушукаться, обсуждать их с Вадимом за спиной.

Больно ударило понимание того, что мужу оказалась не

нужна, не интересна. Что слова любви были как сахар к утреннему чаю, лишь чтобы подсластить обыденность.

Хотела все бросить, развестись. Гулял муж, а стыдно людям в глаза смотреть было Наде. Значит, она виновата. Где-то не утешила или слово не то сказала. А может и то, что не было у них детей, стало решающим. Хотя Вадим, казалось, из-за отсутствия наследников, совершенно не переживал.

Пошла писать заявление в сельсовет. Велели обождать, каких-то вроде бланков не было. Надя не разбиралась, сказали – ушла. А вечером приехала свекровь. Поставила на стол бутыль, напоила силком сноху, заставила все рассказать.

Надька плакала, делилась наболевшим. Думала, что свекровь, как женщина, поймет, поддержит. Они ведь с ней ладили, с самого первого дня. Только мать Вадима отругала Надьку. Отругала, на чем свет стоит. "Есть в кого, – говорит, – Вадику гулять. Папаша Вадика, царство ему Небесное, тот еще ходок был. Все они кобели, а жить ради себя надо. Погуляет, да успокоится. Ребеночка скорей роди, все у вас наладится".

Надя что-то бормотала сквозь слезы, что муж не хочет, что она забеременеть столько лет не может.

Свекровь плюнула от досады, вложила в ладонь Наденьки коробок с ладаном. Велела пить по паре крупинок на ночь каждый день после месячных. Ну и мужа ублажить, напоить, если надо, вспомнить о том, что Надя женщина, а Вадимка всего лишь мужик, как и все – ведомый.

Надя свекровь проводила, еще несколько дней обдумывала ее слова. Уехать бы, да с насиженного теплого места срываться страшно. Раньше страшно было в деревню ехать, а теперь боялась в город возвращаться. Опростел у нее характер, и речь деревенскими словечками пестреть стала. Что она там, в городе теперь одна делать будет? Как жить?

Была не была, решила остаться, попытаться счастья в семейной жизни в последний раз.

Послушно стала пить янтарные крупинки церковного ладана, сменила прическу, заказала красивое белье, купила дорогой коньяк. И повод в ближайшие дни имелся – десять лет совместной жизни.

Свекровь оказалась права. И в том, что муж на красивое белье и сладкие речи поведется. И в том, что ладан поможет. Надя забеременела сразу. И даже отношения с мужем, казалось, наладились. По крайней мере, шепотков и косых взглядов она больше не замечала.

Колька родился, и Вадим, на удивление, к семье прирос, по дому помогать старался, все крутился возле сына, рассматривал его, дул на пухлые пальчики. У Нади сердце заходило от нежности, когда смотрела она мужа и ребенка. Неужели не успокоится, вон как мальчишку любит!

Сын рос красавцем, смышленьшем, ходил везде за отцом по пятам, ждал с работы. И Надя ждала, только муж ненадолго остепенился. Прошло пару лет, и снова он задерживаться на работе стал и снова врал.

Во второй раз она затаила обиду, но теперь из-за сына побоялась рушить семейную жизнь. Ребенку в равной степени нужны и отец, и мать. А муж хоть и редко, но все же уделял ей внимание. Да и не молода она уже, чтобы страсть была в голову, будто шампанское. А когда хлопот полон рот, уж о любви ли думать?

Так и шло, снова каждый занимался своими делами. Надя не лезла в душу к мужу, он в равной степени относился хорошо и к ней, и к сыну, и о доме никогда не забывал. А о его похождениях Надя старалась не думать. Правду говорят, мужики не бывают однолюбам. Мало им, видимо, одной женщины.

Как бы ни было, но бОльшей подлости от мужа Надя не ждала. Все-таки в глубине души любила его и надеялась, что нагуляется когда-нибудь, успокоится.

Потому, когда муж пропал без вести, она лишилась и сна, и покоя. Стояла такая же осень, с проливными дождями и холодом. Вадим уехал в командировку, вроде как договариваться с каким-то поставщиком о новых семенах для посевной. Уехал и пропал. Не вернулся ни через день, ни через неделю. Надя заявила в милицию, но там лишь сподобились опросить всех свидетелей и развесить по району ориентировки с фотографией. На этом поиски завершились.

Плакал Колька, тенью ходила Надя и только свекровь восприняла все спокойно. Тогда Надя списала все это на возраст и болезнь пожилой женщины. Посчитала, что так даже луч-

ше – пусть мать верит, что с сыном ее все хорошо...

5

Реакция свекрови понятна стала позже, намного позже. Полтора года Надя маялась, обивала пороги милиции, требуя продолжать искать пропавшего, ночей не спала. Нет-нет да и закрадывалась мысль, что с Егоровым все хорошо, но все же не верилось, что он мог так поступить с сыном. С ней, возможно, да, но не с Колькой.

Оказалось, смог. Об этом ей однажды и вылепил молоденький, разодетый в новую форму следователь. Так и сказал: "Прекратите истерики, мамаша. Муж ваш жив, он просто с вами общаться не хочет. Мы имеем право не разглашать его местонахождение".

Надя, где стояла, там и села.

– Как это не хочет общаться? А ребёнок?

– Ну, знаете, я вам как мужик говорю: ребенком человека к себе не привяжешь. Вы бабы странный народ. Сначала рождаете для себя, а потом удивляетесь, что ваши дети никому не нужны.

– Да... да как вы смеете! – вскипела Надя, выходя из оцепенения.

– Но-но, гражданочка! Без личностей. Могу вам только посоветовать на алименты подать. Так можно, тем более что человек найден.

На алименты Надя не стала подавать. Она вообще теперь

ничего не хотела слышать о муже. Хотела было развестись, но поняла, что предстоит дележ имущества, а там и скандалы, и сплетни. Кольке и так досталось, еще и это все... Зачем? Бог с ним, с Вадимом, пусть живет, где ему хочется. Раз таким гнилым оказался, то может и к лучшему, что не на глазах, не в одной деревне.

Сыну только сказала, чтоб не переживал, что жив отец, только живет в другой семье. А он и не удивился. Ответил по-взрослому, по-мужски:

– Мам, мой отец всё-таки погиб. А там я не знаю, кого нашли. Но это точно не он. Может, двойник?

Надя потрепала вихрастую голову, вздохнула. Вот и у сына свое сложилось мнение. Оправдывать мужа? Так и сказать нечего о его поступке, подлость чистой воды. А прошлые заслуги на фоне этого известия словно стерлись, смылись внешними водами, дождями, выплаканными слезами. Действительно, он для них, наверное, умер.

Так и остались они с сыном жить здесь, в Преображенке. Надя ходила на работу, Колька учился. Через год похоронили свекровь. Попрощаться приехали все родные, кроме Вадима. Обсуждали, шушукались, еле вытерпела.

Трудно было одной: и со скотиной нужно управляться, и на работу, после тяжелой работы в сарае, прийти свежей и отдохнувшей. Деревенская жизнь вообще к бабам юморная.

Да и животину в итоге держать невыгодно оказалось. Пока мужик в доме был, пока всю тяжелую работу на себя брал, да

корма дармовые привозил, – хоть какой-то в этом был смысл. А тут попробуй сама все успеешь, на зарплату и зерна курам купи, и ботинки Кольке каждые два месяца меняй – лапа-то вон как растёт, за всеми расходами не угонишься.

Много раз Надя думала о том, чтобы в город перебраться, но снова и снова вставал вопрос о том, что нужно дом продавать, а значит мужа искать, документы оформлять, как положено. Нет, не хотела она ни видеть его, ни бегать за ним, ни о чем-то просить.

Весть о Вадиме сама к ним пришла. Такая же гнилая, с душком, как и бывший муженек.

Умер он – где-то пьяный под колеса грузовика влетел. Да и Бог бы с ним, но умудрился для новой гражданской жены и ребенка, которого успел ей заделать, купить квартиру. Выпендрился, козлиная. Кредит большой на себя взял, комфортным жильем любовницу обеспечил. А Наде теперь расхлебывай. Банк за долги дом может отнять. Принимаешь наследство – принимаешь долги. Уж решила отказаться от наследства, дом отдать, лишь бы не трясли их, не беспокоили, пусть бы подавились, собаки. Но тут опека свое слово вставила. Вот уж где законы, как дышло, куда повернешь, туда и вышло. Где она для Кольки другое жилье возьмет? Придется в наследство вступать и долги на себя переписывать, и кредит платить, чтобы из своего же дома не выгнали. Все она уже варианты прокрутила, в город и к юристу, и к нотариусу ездила. Но все одно – законным мужем Вадим до последне-

го дня для Нади оставался, да и имущество у них совместно нажитое. А то, что он крале своей хоромы купил, так он сразу на нее все и оформил.

Да и бог с ними, выкрутится она. Сейчас, конечно, тяжело, уже четыре месяца почти две трети зарплаты своей отдаст, чтобы штрафы да проценты не набежали. Но потом, как все бумаги оформит, попробует на другой срок кредит переделать, там и платеж поменьше.

А, все равно тошно. Как начнет обо всем этом думать, как лучше бы сделать, так тугой ком к горлу подкатывает, дышать нормально мешает. Чем она ему не мила была? Что искал, какого счастья? Жили себе спокойно, нет ведь, огонька захотелось, каких-то особых чувств.

Надя проворочалась до утра, да ладно хоть в воскресенье выходной. Отлежалась до десяти. Потом все равно соскочила, вспомнила, что в холодильнике пусто. Полезла в погреб, достала картошки – надоела уж она, не видеть бы! Но что еще есть, когда денег на покупные продукты не хватает. Вчера был суп с картошкой, сегодня драники к чаю пожарит, вечером – пюре, а к нему огурцы соленые с того же погреба достанет. Нет, прав Макарыч, не протянуть им с Коленькой зиму. В город ехать надо, работу искать.

6

Еще неделю промаялась, но сколько в раковину свою не прячясь, все равно придётся самой проблемы решать. Никто не придет, волшебной палочкой не помашет, спаситель на белом коне не прискачет. Сейчас время такое: и спасители пообмельчали, и кони повывелись.

Надя собрала вещи на пару дней, договорилась с Макарычем, чтобы присмотрел за Колькой, предупредила Любочку Самохвалову, что отмывать ей клуб на выходные придется самой, и в субботу утром села на рейсовый до города.

Чувствовала себя ужасно, будто в первый раз из дома выбралась. Это когда по каким-то насущным делам поехать, так и не думаешь о том, кто и как на тебя в городе посмотрит. Туда-сюда забежала, гостинцев прикупила и домой из шумного города на всех парусах.

А теперь ехала она на скрипящем от мороза автобусе, как на смотрины, словно девка на выданье. Переживала, как выглядит и не слишком ли у нее деревенский вид. То, что сильно стала она отличаться от городских и сама понимала. Вон они какие бабы, лощеные все ходят, губешки накаченные, волосы ниже жопы, и жопа как орех. Все это им красивым кажется, а Наде, как и всем от этого далеким, смешным. Но смеяться можно где-то там, у себя в селе, с бабами на работе, а здесь придется конкурировать. Иллюзиями Надя не стра-

дала, понимала, что трудно будет.

Не понимала, насколько...

Первым делом она выкупила все свежие газеты и, засев в маленьком кафе, принялась обводить в кружочек красным карандашом все объявления, где обещали хорошую зарплату. Потом перечитала то, что отметила, и поняла – половина номеров телефонов подозрительно повторяются. Только вот в одном объявлении писали о работе на дому, во втором о работе с клиентами, в третьем требовался помощник менеджера.

Надя ради спортивного интереса позвонила и за пять минут была обласкана с ног до головы, медом намазана и сахарной пудрой сверху присыпана.

У Нади, собственно, только имя спросили, но практически убедили в том, что она незаменимый специалист, и только её они и ждали. Зарплата так вообще космическая, а делов-то: на звонки отвечать и раз в неделю отчет отправить.

Надя бы, возможно, даже купилась, если бы не одно "но". Нужно было заплатить за недельное обучение половину будущей зарплаты. Наличными. Сразу. Надя показала им в трубку кукиш, послала к чертовой бабушке и... принялась искать дальше.

Что имелось в целом? Рынок крайне нуждался в специалистах по продаже сим-карт, пылесосов стоимостью в полдома, бытовой супер-пупер химии, выводящей любые пятна, необыкновенно лечебной зубной пасты, от которой сно-

ва вырастали зубы, ну и еще прочих продуктов современной алхимии. Ах да, биологически активные добавки, исцеляющие от всего, в том числе и косметика, были вне конкуренции.

Но Надю ничего из предложенного не вдохновило. Благо бабы в деревне нет-нет, да пытались обогатиться одним из предложенных способов. Даже что-то Наде втирали про постоянных клиентов и огромные скидки. Но что там втирать, в деревне человек пятьдесят от силы осталось, опустело село, не то что раньше.

Часа два потратила она на это мракобесие, а толку ноль. И официант вон уже косится на нее, да и она б косилась – за чашечку кофе просиживать полдня в теплом помещении...

Выкинув газету в мусорное ведро, Надя расплатилась за кофе, укуталась поплотнее в тоненькое пальто и вышла на улицу. Сумка с вещами мешалась, оставить бы ее, но не у кого. Единственная хорошая знакомая, Маринка, не брала трубку. С Маринкой они раньше работали вместе, а потом та уехала в город, вслед за детьми, нянчиться с внуками.

Подумать только, Маринка уже бабушка! И она, Надя, уже бы внуков, наверное, нянчила, если бы сразу в первый же год, как замуж вышла, родила. Не верится, неужели так быстро время пролетело? Скоро и Колька повзрослеет, кому она потом нужна будет?

Ветер настойчиво трепал Надю за полы пальто, привлекал внимание, забирался под одежду, морозил. Совсем растеря-

лась она и от холода, и от собственных мыслей. Бездумно шла по улице, изредка посматривая на витрины и вывески на зданиях. Привлекла вдруг одна – маленькая, невзрачная, кособоко прибитая на углу какого-то дома: "Кадровое агентство" Империя".

Хмыкнула Надя – "Империя" какая-то затюканная. Зайти, не зайти?

Надя осмотрелась, словно кто-то ее уличит в неприглядном поступке, открыла дверь рядом с вывеской и, пожелав себе ни пуха, ни пера, шагнула внутрь.

Встретил Надю аромат хорошего кофе, уютный холл с мягким диванчиком и вежливый, средних лет администратор, усердно потиравший руки и постоянно поправляющий тонкие очки на кривоватой переносице.

– Добрый день, – спокойно и без заискиваний поприветствовал он. – Чем могу быть полезен?

– Здравствуйте. Хотелось подробнее узнать о ваших услугах. Я ищу работу.

– Прекрасно, вы точно по адресу. Сейчас я посмотрю, есть ли свободное время у Ларисы Николаевны.

Мужчина прошел к ресепшену, полистал журнал, что-то проверил в компьютере.

– Вы знаете, вам очень повезло. Как раз сейчас до следующего клиента есть окно, минут пятнадцать. Я попробую договориться, может Лариса Николаевна вас примет.

Надя кивнула. Прониклась важностью момента, заволновалась. Тут же одернула себя. Смелее нужно быть, решительнее. Это просто кадровое агентство, еще не собеседование!

Администратор вернулся из соседнего кабинета через пару минут.

– Вас примут. Прошу, раздевайтесь, проходите. Сумочку можете тоже здесь на диване оставить.

– Спасибо, сумочку я с собой возьму, – криво улыбнулась

Надя. Нормальная сумка, не такая уж и большая! И чего он на нее так косится, чем не понравилась? – Вообще-то там личные вещи и документы...

Мужчина обреченно-показательно вздохнул и проводил Надю в кабинет к этой самой... Ларисе Николаевне.

Когда Надя слышала это имя, ей непременно представлялась дородная важная дама, годков под семьдесят, знающая всех в этом городе, которая одним взмахом руки могла пристроить любую страждущую душу на вакантное место в приличной организации. Отчего-то вместо доброй тетушки-волшебницы за столом оказалась какая-то соплюха, с покрашенной в синий цвет челкой, проколотым носом, разодетая в кожаное облегающее чёрное платье. Оттого создавалось ощущение, что она буквально пять минут назад выпорхнула из какого-то ночного клуба. Единственным располагающим к доверию элементом в образе важной агентши были огромные очки с толстыми линзами, которые девушка тут же сняла, как только увидела в дверях посетительницу.

– Лариса Николаевна, прошу принять, новая соискательница.

– Герман Петрович, спасибо. Садитесь, женщина, – указали на стул Наде. – У нас очень мало свободного времени.

– Здравствуйте, простите... – зачем-то извинилась ошарашенная Надя и, под пристальным взглядом девчонки, окончательно растерялась. Может, чтобы быть важной дамой, не обязательно быть полной и старой?

– Вы где-то работаете или работали?

– Да, работаю кладовщиком и еще техничкой, по выходным в клубе полы мою... Но это так, я бы хотела здесь, в городе устроиться.

– Вообще мы сначала даем заполнить анкету соискателям, а потом в течение месяца подбираем вакантные места. Но я так понимаю, вам надо срочно?

– Да-да, мне надо срочно.

– Тогда оплачиваете сразу две тысячи наличными, и я вам распечатываю список организаций, где требуются работники. По прайсу эта услуга стоит пять, но вам даю скидку. И обзваниваете вы всех сами, вместо нас. Потому что мне сейчас некогда, у нас все по записи. А вам надо срочно. Согласны?

– Сразу? Две тысячи? – расстроилась Надя.

– А как вы хотели? Бесплатно и срочно? Сходите на рынок, там часто требуются продавцы в отдел фруктов и овощей.

Надя поежилась, вспомнив рыночных зазывал кавказской наружности, которые в принципе не особо считались со своими женщинами и, навряд ли, будут считаться с работниками.

– Хорошо, я согласна. А сколько в вашем списке вакансий?

– Достаточно. Вам будет куда позвонить, – неопределённо ответила синеволосяя Лариса Николаевна и начала распеча-

тывать документы.

Надя притихла. Братъ, не братъ? Две тысячи не лишние, но где она будет искать работу? Действительно, только на рынок идти. Она посмотрела на распечатанные листы в руках агента, на резкое движение девушки, когда та с вызовом посмотрела на огромные наручные часы, – и полезла в сумку за кошельком.

К Маринке придется ехать без шоколадки. И сыну она не купит новые фломастеры...

На секунду зажмурившись, Надя вспомнила о почти пустом холодильнике, затем вытащила хрустящую двухтысячную купюру и протянула нагловатой соплюхе.

Может, действительно, она поможет?

Купюра в загребущих худых ручонках исчезла быстро. Еще быстрее, будто по команде, зашел в кабинет очкастый администратор Герман Петрович и напомнил Ларисе Николаевне, что ее ждут на важной встрече. Лариса Николаевна выразительно посмотрела на Надежду, приторно-вежливо улыбнулась, попрощалась и стремительно вышла из кабинета.

Надя спохватилась, отругала себя за невежество, засунула листы и кошелек в сумку и тоже покинула святая святых – логово чересчур деловой агентши.

Потом был мед из сладких речей администратора, как они ценят то, что Надя обратилась именно к ним, и пожелания успеха в поиске работы.

Через час Надя уже сидела на заснеженной холодной лавочке в ближайшем парке и лила горькие слезы, потому что ни один из указанных телефонов не оказался верным. Хотя, на какие-то все же отвечали, но говорили, что вакансия была снята еще пару месяцев назад и объявление не актуально.

Чтобы не привлекать лишнего внимания заглядывающих на нее прохожих, Надя, судорожно вздохнув и высморкавшись в большой сатиновый платок, в итоге достала телефон и снова начала названивать приятельнице Маринке.

8

Холод и, наверное, нервное потрясение, сделали руки совсем непослушными. Надя в двадцать какой-то раз набрала номер Маринки. Она уже час сидела в парке и порядком продрогла. Не хватало еще заболеть. Если сейчас ей не ответят на звонок, нет смысла оставаться в городе, придется ехать на автостанцию и ждать вечерний рейсовый автобус...

– Господи, что случилось-то! Да, алло!

– Марина? Марина, привет! Это я, Надя, узнала?

– Да, конечно, узнала, что случилось, Надь? – взволнованно крикнула в трубку Маринка, словно они не по сотовому разговаривали, а заказали переговоры в советском телеграфе.

– Случилось? Ничего не случилось, – растерялась Надя. – Марин, я в городе. Ты говорила, что могу у тебя остановиться. Пустишь с ночёвкой?

– Фу-ты ну-ты, Надька! Двадцать пропущенных! Я думала, кто умер! Конечно можно, о чем разговор!

Только я сейчас на работе. Записывай адрес. И подъезжай.

– Ты работаешь? – удивилась Надя.

– Некогда объяснять, у меня клиент. Приедешь, поговорим! Пиши, Пушкина 38/2, вход справа, увидишь, там крыльцо высокое и двери стеклянные.

Маринка отключилась, так быстро, что Надежда не успе-

ла больше ничего спросить. Расстроенная, посмотрела на погасший телефон, сунула его в карман пальто, поправила сбившийся платок на голове и отправилась к автобусной остановке.

Ехать пришлось на другой конец города, Надя села на самый дальний ряд сидений, поближе к обогревателям, обняла себя руками и с безразличием стала смотреть на мелькающие городские строения, несущиеся машины и целые ряды торговых точек. Жизнь в городе кипела, дышала какой-то особой энергией, принять которую вот так сразу было очень сложно. Все-таки засиделась Надя в деревне, замшела. Сможет ли Колька привыкнуть, понравится ли ему тут? Он ведь совсем не бойкий, все за учебниками, да за конструкторами. Сам деревянные модели собирает, а потом с особым усердием раскрашивает. Хотя молодым приспособиться легче, а вот сможет ли она? Вон, сегодня ее в два счета как липку ободрали. И ведь чувствовала неладное, да повелась, заторопилась, побоялась, что сочтут ее невеждой и деревенщиной. Смешно, потому что она такая и есть. А Маринка вот смогла приспособиться. Поехала в город с внуками нянчиться, а сама уже и на работу вышла. А ведь зарекалась, что дома будет сидеть. Наверное, жизнь в городе интересней, чем в деревне, разве усидишь на месте?

Надя, завидев на площади обелиск знаменитому поэту, очнулась. Заторопилась к выходу. Не хватало еще свою остановку пропустить.

Легкий морозец обдал обветренные щеки, и Надя припустила вдоль улицы, внимательно просматривая номера домов, боясь пропустить нужный.

Искомый тридцать восьмой был выстроен буквой г, и как раз на углу красовалась табличка "38/2". Вот и крыльцо, и стеклянная дверь, и вывеска "Салон красоты" Мадлен".

Господи, она что теперь в салоне работает? Маринка? Да у нее же руки только под грубую работу заточены, она и сама об этом ни раз говорила!

Навоз из сарая вычистить, или сено на стог закидать, ну или столб поддержать, пока кто-то забор правит, – это она запросто. Она оттого с легкостью и рванула в город, потому что сельхозкооператив в их деревне стал угасать, а будучи лет уж пятнадцать в разводе, ничего кроме тяжелой работы Маринка не знала. Бабой она была огромной, широкоплечей, с зычным голосом и заразительным смехом. Но, впрочем, дети и внуки ее очень любили, поэтому сноха с радостью доверила воспитание своих пострелят бабушке.

Надя потянула на себя прохладную пластиковую ручку, салон дохнул на нее смесью химических запахов, приглушенной музыки и знакомого до мурашек и теплой улыбки Маринкиного хохота.

– Голубчик, вы только посмотрите, как вам идет, – крутила она, одетая в черную униформу, лысеющего дедулю на кресле перед зеркалом, дополнительно подстриженного под единичку. – Была бы не замужем, за вас бы пошла, милый

мой.

Дед щерился от удовольствия, приглаживал свою новую прическу и косился на колыхающуюся, огромную, обтянутую фартуком грудь Маринки.

Та, заметив лукавый огонек в глазах дедули, пригрозила довольному клиенту пальчиком, сняла с него накидку, слегка обмахнула салфеткой и отправила на кассу.

Надя, за несколько секунд заразившись бесшабашной энергетикой своей приятельницы, сразу расслабилась и успокоилась.

– Вы к кому? – отвлекла Надежду подошедшая молоденькая девушка с блокнотом в руках.

Не успела Надя ответить, как снова раздался голос Маринки:

– А это ко мне, Оль! Веди ее сюда.

Надя сняла пальто и повесила на плечики, повернулась и тут же оказалась в объятьях подруги. Расцелованная и залюбленная.

– Надька, какая ты дохлая стала! Не заболела ли? Как добралась? Чаю будешь? Идем, попьем, у меня клиент только через полчаса! Оль, скажи Зинаиде Петровне, пусть тут у меня из-под кресла волосню смахнет! Ну что, Надь! Что ты молчишь, замерзла, что ль? А Колька где? Макарыч мне привет передавал?

Разомлевшая от тепла Надя, усевшись в закутке за крохотный столик, счастливо улыбнулась:

– А ты все такая же, Марин! Ничуть не изменилась!

– Хо, что ж мне сделатца-то? Зеленый, как всегда?

Надя кивнула. И, минуя все расшаркивания, выдала:

– Марин, беда у меня. Егоров помер, но кредит умудрился взять. И теперь я могу без штанов и без дома остаться. Работу я приехала искать. Сегодня вот ничего не вышло, хочу у тебя переночевать, да завтра еще поездить по городу, может что подвернется.

– Вот Егоров, а! Каков подлец! – хлопнула от досады себя по широченному бедру Маринка. – Все-таки удружил. Мало в деревне у всех баб под юбками труселя разглядывал, так еще и долги на тебя повесил! Чтоб ему не мягко там было... Ой, Надька! То, что ко мне, конечно, ты молодец. Переночуешь без проблем. Только вот толку от того, что ты в воскресенье работу собралась искать? Закрыто же почти все! Эх, задачка у нас с тобой нарисовалась.

–Я думала, по объявлениям обзвоню, на собеседование схожу... – расстроено вздохнула Надя, вспоминая свои приключения и понимая, что в выходные действительно искать работу бессмысленно.

– На собеседование... – махнула рукой Маринка. – Сейчас перед Новым годом везде сокращают, в хорошую организацию так просто не попадешь. Ты ешь, ешь, халва свежая! Да и в не очень хорошую, если честно, тоже, – и, прихлебнув чай, уже шепотом продолжила: – Я вон, видишь, устроилась на социальное место за копейки, чтоб от внуков отдыхать.

А так бы дедов этих беззубых брить за такую зарплату не пошла бы сроду. Но сноха принаглела совсем, я с ними, с внучатами, и все больничные, и в выходные. И в отпуск мои приспособились без спиногрызов ездить! Решила, что надо воспитание большеньких в руки брать, пока они совсем на меня детей своих не повесили.

– Может, тогда и смысла нет оставаться? Поеду я на вечернем?

– Как же с тобой быть? Так, на тебе ключи от квартиры, адрес сейчас эсэмэской пришлю, чтоб не забыла. Доедешь на пятерке от площади, сама дома поешь, там борщ в холодильнике, а вечером за рюмочкой поболтаем, подумаем над горем твоим. Уж кое-какие знакомства в городе имеются. Не переживай, Надька! Прорвемся! Оля, клиента запускай, пусть готовится!

9

«Бзинь-бзинь» настойчиво звенело в голове, но просыпаться не хотелось. Кажется, только отогрелась и уснула. Ой, это же в дверь звонят! Маринка пришла, а у нее ключей нет!

Надя вырвалась из цепкого сна, впопыхах протерла глаза, поправила сбившуюся набок кофточку и побежала открывать входную дверь.

– Уснула, что ли? – с порога хохотнула Маринка, похлопывая гостью по плечу. – Ну прости, дорогая, домой хотелось очень.

– Ага, пригрелась и задремала. Даже не сразу поняла, что это за звон такой. Извини, что сразу не открыла.

– Да ладно тебе, я ж понимаю.

Марина легко скинула с себя перекрашенную в болотный цвет дубленку, поставила сапоги на полочку, окинула цепким взглядом подругу.

– Борщ ела?

– Нет, без тебя не стала.

– Я так и думала. Пойдем, худорба, откармливать тебя буду. Совсем тяжело, да, Надь? Небось теперь на продукты едва хватает?

– Чтобы не выросли проценты и штрафы, приходится уже оплачивать кредит. Я уж, конечно, к такому была не готова. Думала, может продам что, да только что продавать-то? Все

и так старое, да мы с Колькой и так не особо шикавали.

– Да понятное дело. В город вам надо. Здесь хоть зарплаты побольше.

– Вот потому и приехала.

Маленькая кухонька была напрочь пропитана уютом. Надя присела за стол, с интересом рассматривая цветастые занавески и расписной чайник. Каждая мелочь на кухне говорила о задорном и ярком характере хозяйки.

Пока гостя очухивалась от сна, Маринка поставила подогреваться маленькую кастрюльку с борщом на плиту. Нарезала ржаного хлеба, подмороженного соленого сальца, почистила несколько зубчиков чеснока. По-простецки разложила угощение на стол, налила суп.

– Ешь, Надя, не стесняйся. Я тоже поем, проголодалась.

Надя взяла ложку и с жадностью, не стесняясь, принялась есть вкусный горячий Маринкин борщ.

– Вкусно!

– Ешь, ешь. И чеснока вот бери, сегодня уже на свидание никуда не пойдем.

– И сало вкусное.

– Намерзлась ты, наголодалась. Ох, Надька... Я тут что подумала, Надь. С работой, конечно, сразу не получится, так чтобы и на кредит, и на житье-бытье хватало. Вы с Колькой можете первое время у меня пожить. Немного освоишься, работенку найдешь, а потом и квартирку недорогую подыщем. Может, что-то с продажей дома решишь, не знаю.

В любом случае начнём мы с тобой с поиска работы. Я сегодня кое-какие свои связи подняла, написала знакомым. Не сразу, но может кто-то ответит, посмотрим. Да, и это, Надь, не мешало бы тебя в порядок привести.

Надя застыла с ложкой в руках, затем отмерла, испуганно взглянув на Маринку, пригладила волосы.

– В порядок? Что-то не так?

– Все не так, Надь! Ты на себя посмотри! Седина вовсю, на голове унылый пучок, брови, твою мать, как будто ты Брежнева в вашем сельском клубе играешь! А уж про мешки под глазами я вообще молчу! Хотя для полного образа они самое то... Как ты в таком виде собралась по организациям ходить, работу искать?

Надя сникла – ком в горле встал, не продохнуть. Неприятно о себе такое слушать, даже из уст подруги. Запустила она себя, да. Так и настроения не было стараться. Работа, дом, Коленька – вот и вся жизнь. Глянет впопыхах в зеркало, махнет рукой, и дальше бежать...

– Ну в самом деле, Надь, ты ж еще молодая, – смягчила тон Марина, – зачем же себя так запустила!

– Да какая уж молодость, Марин! Я тебя умоляю, пятый десяток пошел. Что мне, на выставку, что ли, ходить?

– На выставку! – грозно хлопнула по столу Маринка. – Да! Представь себе, что на выставку! Ты в первую очередь себя сейчас продавать будешь! И не смотри на меня так. Встречают всегда по одежке, а уже потом разбираются, в какой отдел

перевести. Так что будем тебя приводить в порядок.

Маринка встала и убрала опустевшие тарелки. А затем продолжила:

– Тебе чаю зеленого? Ага... так вот, в порядок, говорю. Завтра идешь со мной в салон, я уже договорилась. Светка завтра работать будет, сама хозяйка. Она между клиентами тебя и возьмет. Я-то не смогу, прости. У меня руки только для бритья полулысых дедов заточены. А Светка, она молодец. Она из тебя куколку сделает!

– Марин, я не могу. Это же все дорого стоит, наверное.

– Что дорого, Надь? Стрижка, покраска? Так рассчитаешься, как деньги будут. Мы все в салоне друг другу помогаем. Я девочкам массаж делаю, спинку мну, значит. А они мне тоже вот, когда надо помогают. И, заметь, тебе сделают все по своей цене, не по прайсу.

– Все равно, не знаю, неудобно мне.

– Не знаю, неудобно, – передразнила Маринка. – У тебя как будто выбор есть! Сейчас прижмут тебя кредиторы, чем Кольку кормить станешь? Кредит ведь не на один год! Тебе выкарабкиваться из этой дыры нужно, и свои захудалые принципы засунуть в одно место, сама знаешь какое! Пей чай, не сиди, как на поминках.

Надя расстроено уткнулась в кружку. Больно бьёт Маринка, точно в цель, как снайпер. И не скажешь ведь ничего против, права она. Ради Кольки Надя была готова на все. Ради себя бы не стала стараться, давно уже на себе крест поста-

вила. Но Кольку поднимать надо. У него теперь ни дедушек, ни бабушек не осталось, все рано ушли. Поэтому надеяться не на кого.

– Надя, не вешай нос, подруга! Справимся. Будет сложно расстаться с сединой, понимаю, плакать будешь. И с бровями такими кустистыми сложно и больно... но ты справишься!

Надя тепло улыбнулась подруге.

– Спасибо, Марин. Я на все согласна. Ради Кольки все вытерплю.

Утро выдалось особенно тяжелым. Ночью Надя так и не смогла уснуть. Проворочалась на чужой постели, вспоминая свою, мяконецкую. Думала о прошлом и о Коленке.

Парень он, конечно, смышленный, справится сам, уж двенадцатый год ему пошел. Еды наварено, отопление работает исправно. Туалет и вода — все в доме. Да сын, если займется своим конструктором, то и не заметит, как два дня пролетит. И Макарыч обещал, что навестит его обязательно, а если Колька захочет, заберет к себе ночевать.

Но все равно душа болела, словно рассталась она с ребёнком не на два дня, а на огромный срок. Да и с Маринкой вечером говорили долго и обо всем, плакались, ругали друг друга за мягкотелость и доверчивость.

Все это как снежный комросло на собственные эмоции от прожитого дня, заявилось мохнатой бабайкой, всю ночь стояло у изголовья.

Утром Надя встала не то, что с мешками, с хорошими синяками под глазами. Посмотришь на такую физиономию, и сразу понятно, баба неделю в запое была.

Но Маринка в красоте толк знала. Заварка у нее замороженная кубиками припасена, какой-то рецепт особой масочки из овсянки знает. Все это богатство легло испытаниями на измученную Надькину кожу лица, но несмотря на сомне-

ния, все-таки помогло и отчасти облагородило.

– Хороша, – заценила результат Маринка стоя возле Нади с такой же овсянкой, размазанной по щекам и лбу. – Видишь, как быстро помогает! Сейчас еще к Светику сходим, и вообще красotka станешь.

К Светику они попали через час, и Надя уже садилась в кресло, как раздался телефонный звонок.

Светик виновато улыбнулась Наденьке, нахмурившись взяла телефон, демонстративно закатила глаза и ответила:

– ЖенИчка, дорогая, привет.

Тут же, как по мановению волшебной палочки глазки закатила и администратор Оленька, стоявшая у ресепшена, и Маринка, уничтожающая маковые сушки в мягком кресле напротив.

Светик же, кусая губу, продолжала разговор с собеседницей:

– Да, работаю. Срочно? Прямо сейчас? Оздоровление волос? Уже не блестят? Хорошо, ЖенИчка, жду.

С окончанием звонка Света как будто бы сдулась, с раздражением швырнула телефон в корзину с приборами, взялась за голову.

– Сейчас придёт? – сочувственно спросила Оленька.

– Ага, уже едет. Беда у нее, настроение плохое и волосы не блестят. Извините, Надя, придется вам подождать. У меня vip-клиент нарисовался.

– Нарисовался, фиг сотрешь, – хохотнула Маринка. –

Светка, держись. Мы тут маячить не будем, пойдем с Надюхой чаем побалуемся. Держись!

Надя, все еще не понимая, чем так насолил вип-клиент хозяйке салона, отправилась в закуток, отведенный для чаепитий, вслед за Маринкой. Успела лишь спросить:

– Марин, а это кто?

– О, это звезда нашего города, Надя. Та, которую знают все в лицо! ЖенИчка Бочкарева, блогер, фотомодел ь и вообще очень крутая девочка. Девочка, правда, из нее так себе, она ненамного нас младше, но...

– Девочки, цыц! – рывкнула Светка, и уже буквально через полминуты дзинькнули дверные колокольчики, и в салон вплыла королева красоты, не меньше.

Высокая брюнетка с длинными волосами, идеальной точеной фигурой с ногами от ушей и омоложенным до нельзя лицом, скинула шубку на руки Оленьке, даже не поздоровавшись, взмахнула в раздраженном жесте худыми изящными ручками и заявила:

– Света, меня нужно спасать, срочно! Ты спасешь меня, а моя красота спасет мир!

Света с абсолютно серьезным видом кивнула, приобняла расстроенную клиентку и, бережно взяв ее за ручку, довела до кресла.

– Хорошо, что тобой не успели заняться, с этой кралей надолго, а то бы сидела сейчас с наполовину остриженной головой! Светка обязана ей за раскрутку салона, ЖенИчка в

своём блоге нас постоянно расхваливает, – прошептала Маринка, а затем, стараясь не шуметь посудой, налила в разномастные чашечки чай, показала знаком сидеть тихо и сунула Наде телефон с открытой страницей в известной социальной сети.

Надя, боясь ненароком перелистнуть, с восхищением уставилась на фото, расположенное на главной странице ЖЕНИЧКИ БОЧКАРЕВОЙ, с огромным числом подписчиков и многотысячными лайками под каждым постом.

С фотографии смотрела отполированная размарафеченная красотка, неестественно изумрудный взгляд которой приковывал словно гвоздями. Изящно изогнутая кисть руки демонстрировала обручальное кольцо с россыпью бриллиантов, а внизу капслоком маячила подпись:

"Я СЧАСТЛИВА!"

Отчего-то сразу мелькнула мысль, что счастье Женичкино меряется не теплотой в сердце, а количеством брюликов на дорогом украшении. Но Надя себя тут же отругала. Не знаешь человека, зачем судить? Хотелось пролистнуть ленту ниже, рассмотреть и другие снимки, но Маринка вдруг дернула Надю за рукав, забрала телефон и знаками приказала внимательно слушать.

– ... Представляешь, Светик, – вытянув модные губки, вещала Женичка, – я ему говорю, и так на меня обрушилась масса сплетен в этот месяц. Ведь каждый второй засомневался в том, от кого забеременела секретарша Светлова! Пред-

ставляешь, какой урон моей репутации! Ну где секретарша, и где мы со Светловым! Неужели он меня на кого-то променяет? Тем более она такая, фу! Неинтересная. Мне даже бы в голову не пришло нас сравнивать!

– Конечно! – поддакнула Светка, готовя волосы клиентки к косметической процедуре.

– И я ему заявила, чтобы обходился без секретаря! Это вообще прошлый век! Сейчас ведь все электронно! Есть специальные программы-напоминалки! А он, знаешь, неделю переждал и вот сегодня, представь себе, тайком от меня проводит собеседование! От меня, тайком! Да мне уже через десять минут, как он только дал объявление, уже написали подписчики! Сейчас вот приведу себя в порядок и устрою там ему отбор помощниц! Наглец!

– Да? А если там кто-то из завистников уже поджидает? Еще заснимут на видео, выложат в сети и снова начнут хейтить? Скажут, что ты собственница, а у вас вроде как свободные отношения... и, кстати, у меня тоже есть секретарь. Вон, Оленька, – бесстрашно заявила Света, устав слушать беспросветный гундеж Женечки.

Она едва не скрипела зубами, намазывая состав на волосы, и Надя, наблюдающая за этим действием через коридор зеркал, поразила ее терпению.

Даже Наде, не знающей в принципе, кто такой Светлов, уже хотелось надеть этой крале чашку с химическим составом прямо на голову по самую шею, что уж говорить про

Свету. Неужели у такой видной красавицы в голове совсем пусто?

Надя вопросительно посмотрела на Маринку и поймала задумчивый взгляд. Нехороший такой, придирчивый, в паре с злодейской ухмылочкой на губах...

–... Конечно, дорогая моя, ты, как всегда, права! – подумав, вздохнула Женичка. – Не зря тебя Светой мама с папой назвали. В твоей голове рождаются поистине светлые мысли! Все-таки мой план прекрасен. Сейчас я приведу себя в порядок, приду к нему на работу и помогу своему дорогому пупсу с выбором. И если там кто-то и есть из моих недругов, они увидят лишь мою заботу и любовь.

Маринка снова дернула Надю за рукав.

– Надька, это твой шанс! – прошептала она одними губами.

"Какой к черту шанс?" – Надя непонятливо развела руками.

– Так, – быстро, проглатывая слова, зашептала Маринка, – сейчас одеваешься и бежишь до фабрики. Она в конце улицы. Идешь на собеседование и устраиваешься к Светлову! Живо, пока эта здесь отирается, ты добежать успеешь!

Надя ошарашенно выпучила глаза на Маринку. Какой, к черту, из нее секретарь? Какой Светлов? Зачем оно ей все это надо?

– Ты что, Марин! Я не... не пойду.

Но Маринка уже стояла с Надиным пальто в руках.

– Иди, говорю, – зашипела змеей она. – Ты хоть знаешь, какая зарплата у личного помощника директора фабрики?

Надя моргнула, с трудом переваривая свалившуюся на нее перспективу.

– Да куда я в таком виде, – едва не захныкала Надя, вспоминая как та же Маринка еще вчера парафинила ее за внешность.

– Дуреха, это твой шанс, иди! Сейчас выйдешь и сразу свернешь направо. До конца улицы. Там адрес не помню, увидишь бетонный забор и проходную. Сообразишь, в общем, на месте. Бегом давай! – закатывая глаза, бухтела Маринка, злясь на подругу за ее несообразительность и ничемную скромность.

Впрочем, у той уже выбора не оставалось.

Оторопевшая Надя была выдернута Маринкиной всеобъемлющей заботой со стула, за десяток секунд насильно облачена и в цветастый платок, и в тоненькое пальто, а затем выставлена на улицу под мелодичный звон дверных колокольчиков и крепкий посыл... на фабрику, на собеседование к самому Светлову.

Остановилась, перевела дух, осмотрелась. Вот он забор из бетонных плит, обнесенный поверху колючей проволокой, и проходная на фабрику.

Только вот что она тут делает? Зачем? Холодный воздух остудил пылающие щеки. Надя крепко зажмурилась. Взвесаила все за и против. "За" состояло из острых нужд и потребностей, предполагаемой зарплаты и возможности устроиться в нормальную организацию.

"Против" было напичкано: неприглядным страхом, что ни с чем она не справится; непониманием того, как можно проситься на работу, ничего не зная о вакансии и требованиях; ну и едким стыдом, само собой, за свой простецкий вид, за который хорошенько влетело от Маринки.

Потребности и нужды перевесили. Сегодня Наде домой ехать, там сын Колька, там те же проблемы, никуда они за ночь не делись. Права Маринка, нужно пробовать. Не прибьют же, в конце концов, ее здесь!

Ну не подойдет она со своими параметрами и умениями, просто откажут, скажут: "Тетя, идите вы, вяжите носки внукам дома». И тогда можно будет со спокойной совестью искать другую работу в другом месте.

Ну а стыдиться своего вида, как бы там ни ругалась Маринка, это совсем уж последнее. Да, не выглядит она, как

кукла с витрины, но чисто и опрятно одета, и вообще имеет приличный вид.

Набрав в грудь побольше воздуха, Надя решительно миновала охрану на проходной, мельком бросив, что приглашена на собеседование. Пропустили на удивление легко, даже документы не попросили.

А когда она снова оказалась на улице, но уже на территории фабрики, то ахнула. Когда-то давно, еще будучи студенткой, приходила Надюша сюда на экскурсию. В памяти сохранились деревянные косенькие бараки, пыльные мастерские и свет люминесцентных ламп, режущих глаза. Сейчас же перед ней стояли новенькие, отстроенные на современный лад высокие цеха, с огромными окнами, оснащенные системой вентиляции, соединенные между собой теплыми коридорами. Крытые проезды к складам, маленькие автопогрузчики ровным рядком подле них, – все так гармонично сочеталось и дополняло друг друга, что радостное волнение и одновременно какой-то трепет ко всему этому охватили Надю. Как же захотелось ей вдруг здесь остаться, стать полезной хоть в чем-то, работать. И снова страх высунул свою крысиную мордочку, пригодится ли она со своими знаниями? Ведь всю жизнь кладовщицей проработала...

Незаметно для себя Надежда дошла до административного трехэтажного здания. На первом заприметила вывеску "Столовая" и снова восхитилась. Вот ведь как! Хороший хозяин у фабрики появился, не только отстроил заново все, но

и о людях, о своих работниках заботится. А это что за закуток с книжными полками и креслами. Зона отдыха? Надя осмотрела небольшой зал с открытыми настежь дверями, прониклась атмосферой и отправилась искать приемную.

На втором этаже находились какие-то примерочные, студии, зал заседаний. Хотелось бы все рассмотреть, но двери закрыты и ни одной живой души. Надя, напомнив себе, что любопытство кошку сгубило, одернула себя и заставила продолжить поиски.

На третьем находились закрытые кабинеты разносортных начальников, и только в конце коридора – свет и открытая дверь. Надя, боясь запачкать сапогами вычищенную ковровую дорожку, шла несмело.

Ладони вспотели, и сама она дрожала как осиновый лист, словно не умудренная опытом женщина, а студентка, идущая в первый раз на собеседование.

Просторная приемная, вопреки ожиданиям, не была помпезной. Скорее уютной, выдержанной в светлых тонах, в меру уставленной цветочными горшками. Здесь уже собрались соискательницы. Несколько молоденьких женщин сбились стайкой, расположившись на огромном диване, что-то обсуждали и перешептывались. Надя окинула их внимательным взглядом, хотела поздороваться, но присутствующие сделали вид, что совсем не замечают вошедшую женщину.

Да не больно-то и хотелось! Надя сняла пальто и убрала на плечики в шкаф. Пригладила растрепавшиеся волосы у зер-

кала. Накинула на плечи вместо шали платок. Да, по сравнению с диванными кандидатками, она казалась лишь блеклой мышью.

Передернув плечами и отгоняя грустные мысли, Надя присела недалеко от входа, на стул возле кадки с фикусом. И вовремя. Буквально через пару минут, словно фурия, в приемную влетела Женичка Бочкарева. Она, окинув ненавидящим взглядом кандидаток, зловеще улыбнулась и уже спокойно, виляя прокаченным ореховым задом, отправилась в кабинет к директору.

Все затихли. Кто-то выругнулся, тихо сообщив, что теперь все накроется медным тазом. Из кабинета раздался вой, потом Женичкин дикий смех, потом ругань. Надя, находящаяся от кабинета дальше всех, едва разбирала слова, но и так было понятно: орет пассия Светлова, изрыгает огонь своей ревности, что-то требует отменить, потом летит на пол какая-то мебель, раздаётся хруст дерева, мужской рык... Все стихает. На секунду. А потом вдруг дверь кабинета директора едва не слетает с петель, и на пороге появляется сам Светлов Сергей Анатольевич.

Злой как черт, с перекошенным лицом и расстегнутым воротом дорогой рубашки. Сжимает кулаки, окидывает взглядом приемную. Диванные соискательницы стихают и, кажется, мимикрируют под цвет серо-бежевых стен. Да и у Нади начинает неприятно сосать под ложечкой.

Вот как можно довести мужика до бешенства за две ми-

нуты? Какая, к черту, теперь работа? Живой бы отсюда выбраться.

Но Светлов, кажется, приходит в себя. Поправляет пиджак и ворот рубашки. Приглаживает волнистые русые волосы. И на его красивом породистом лице вдруг появляется подобие улыбки. С таким же точно изяществом улыбаются каменные глыбы. Почему ему никто не скажет, что его оскал не вызывает приятных эмоций?

Господи, Надя, спрячься уже за фикус!

Напряжение достигает своего апогея.

Светлов делает два шага вперёд. Тут же за его спиной появляется Женичка. Виновато – притихшая, но не сдавшаяся:
– Котик, я погорячилась...

Скулы Светлова, кажется, начинают осыпаться каменной крошкой.

Женичка, тебе бы тоже за фикус спрятаться, пока башка твоя бестолковая еще на шейке держится!

Но Светлов не обращает на свою пассиву никакого внимания. Разочарованно скользит взглядом по кучке напуганных претенденток на роль его личной помощницы, затем по пустому рабочему месту секретаря. Взгляд цепляется за кадку с фикусом и за серое пятнышко в сапогах.

Светлов зловеще прищуривается и беспардонно тыкает в сторону Нади пальцем:

– Вы! Как Вас там...

– Надежда, – еле слышно произносит Надя.

– Надежда, – хмыкает Светлов, рассматривая лицо явно немолодой женщины. Как раз то, что надо! – Вы откуда такая?

– Из Преображенки, – нерешительно отвечает она, чувствуя, как щеки покрываются румянцем, а среди сидящих в стороне красоток пролетает зловредный смешок.

– Идеально! Вы мне подходите!

– Куда подхожу? – растерянно выдает Надя, от всей души желая перемотать время на полчаса назад.

– На должность личного секретаря. Жду вас завтра в девять утра на рабочем месте. С документами. Без опозданий. Все ясно?

– Д-да...

– Ну, ты довольна? – спрашивает он у лыбящейся во все зубы Женички.

– Котик, я знала, что мы договоримся!

Дальше она цепляет его за ворот и утаскивает в кабинет.

Занавес. Надя в полубормочном состоянии ощупывает онемевшее лицо. Что это было сейчас? Ее что, приняли? За что? За красивые глазки или наоборот, за отсутствие красоты?

Маринкины упреки достигли цели, Надя вспыхнула, осознав просчет подруги. Вот зачем она торопила ее, вот почему даже толком расчесаться не дала, отправила на собеседование. Не нужны Женичке соперницы, не нужны молоденькие красотки подле Светлова. А она, получается старая и страш-

ная, что ли? Зато с работой...

Раздосадованная Надя вскочила со стула, и под шепотки и завистливые взгляды, схватила пальто и, с ним наперевес, выскочила из приемной. Бежать отсюда надо, бежать. И как Скарлетт О'Хара, обо всем этом она подумает потом...

Надя бежала как ошпаренная. Словно за ней гналась стая волков. Или конкретная парочка: Женичка Бочкарева и ее обожаемый Светлов. Ну, Маринка! Ну, пройдоха! Сейчас она всё ей выскажет!

Через домов пятнадцать пыл Нади поостыл, да и выдохлась она немного, темп сбавила.

Подругу заприметила на улице еще задолго до того, как дошла до салона красоты. Маринка явно поджидала Надю.

– Марина, ты... – обвиняюще начала Надежда.

– Вот и хорошо, вот и ладненько, – улыбнулась Марина, – значит принял! Эх, Надька, счастливая ты! – растянула широкую улыбку

Маринка и, схватив подошедшую, раскрасневшуюся от бега и негодования Надю за худенькие плечи, хорошенько встряхнула, непонятно чему радуясь.

– Ты ж еще счастья своего не поняла! Да знаешь, какая у них там зарплата! Да туда устроиться практически невозможно, Светлов же сам каждого работника опрашивает, проверяет! Про него такие байки ходят! А эта кукушка Женичка уже своей ревностью всю печенку ему проела, Надь. Она же как балаболка, к Светке каждую неделю приходит и все рассказывает! И как его, такого умного, угораздило с ней связаться!

– Марин, да что мне до Женички этой, мне-то теперь как быть? Со мной он даже и не беседовал! Ткнул пальцем, и все! А завтра, говорит, на работу выходи. Это что ж получается, он меня за мой неприглядный вид выбрал?

– Так, Надя, тормози. Выбрал он тебя, потому что ему интуиция так мужику подсказала. А твой неприглядный вид мы исправим, но не сразу. Сразу нельзя, а то завтра же Женичка тебе глазенки повыцарапает, и станешь ты снова безработной. Да и у Светки уже времени свободного не осталось, все эта мозгоклюйка, блогерша недоделанная, на себя потратила. Пошли-ка домой. Сейчас пообедать успеем да план действий составить. Наверное, вечером вместе в деревню поедем, с Колькой что-то надо решить. И, если вам в город перебираться, то на первую неделю вещи хоть взять.

– А школа? – запаниковала Надя, осознавая, какую кашу заварила.

– Надь, какая школа! Каникулы на носу. Ну, пропустит несколько денечков, ничего страшного. За неделю тут освоится, мы с ним школу выберем, комнату вам обставим. Эй, ты чего?

– Марин, спасибо тебе, – хлюпая носом пробормотала Надя и сама в порыве чувств обняла подругу.

– Фу-ты ну-ты, какие телячьи нежности. Подумаешь, пнула вовремя...

Надька, беря Маринку под руку, счастливо рассмеялась.

– Пнула, не пнула, но так, чтобы за один день устроится,

да еще и на такую завидную должность, я и не мечтала.

– А вот и зря, дорогая. Нужно мечтать, обязательно. И о будущей жизни, и о счастье, и о любви!

– Марин, ну что ты! Какая любовь! Нет уж, спасибо. Мне одного козла на всю жизнь хватило, наелась досыта.

– Ну и ладно, – тут же сдалась вдруг притихшая Маринка, – не забивай себе голову. Потихоньку все образуется. И работа будет, и Кольку на ноги поднимешь!

Уверенность подруги передалась и Наде. Она судорожно вздохнула, чувствуя, как отступают и страхи, и сомнения. За два дня ее жизнь так перевернулась с ног на голову, и все только благодаря Маринке. Вспоминать о своем вчерашнем позорном поиске работы даже не хотелось. Курица, как есть курица, которую после зимы на улицу первый раз выпустили.

Дома с Маринкой они еще раз все обговорили и разложили по полочкам. Все-таки план действий в важном деле – это главный залог успеха.

Спальню хозяйка отдала в распоряжение госте, а сама решила перебраться в зал. Да она там обычно и спала, на диване перед телевизором. А в спальне внуки ночевали, когда в гостях появлялись.

Уже вечером маленький рейсовый автобус, сквозь опустившуюся на землю раннюю темень, вез двух подруг в Преображенку. Маринка, обняв себя руками, тихонько похрапывала сидя у окна, а Надя в уме прикидывала список вещей, которые было необходимо взять с собой в город на первую

неделю. А еще переживала, как Колька воспримет новости?

А Колька нормально воспринял, по-мужски. Надо, значит надо. Быстро вещи собрал, учебники, коньки прихватил. Надя было вскинулась, мол, лед на реке не застыл. Но тут на смех ее подняла Маринка, напомнив, что в городе есть ледовый дворец и работает он круглый год. Стыдно стало и снова страшно. Как она, деревенщина, там освоится? Но раскидать было некогда, дом нужно приготовить к отъезду, одежду собрать и так по мелочи все необходимое. А еще сбегать к Макарычу, попросить, чтоб в их отсутствие приглядел за домом и за хозяйством. Из хозяйства был десяток кур да три пары кроликов. Но их ведь сразу не изведешь за один вечер.

Насилу Надя к двум часам ночи управилась, в шесть встать на автобус, а у нее ни в одном глазу. Лежала на своей кровати, разглядывала причудливые блики на стене, слушала мерное посапывание Кольки да переменный с подсвистыванием храп Маринки. Вспомнилась жизнь супружеская и муж-козлиная, чтоб ему там... И осознала она вдруг горькую истину, что и не жила вовсе. Пролетела жизнь в суете, в заботах, в желании мужу угодить да переживаниях, кто и что о ее семье скажет. Вроде и прихорашивалась, и общалась с людьми, и на работе уважали, и радость какая-то была. Только все одним клюквенным пятном, будто на скатерти. Вроде ярко, а стирать начнешь, неприглядный серый цвет появляется. Ворочалась, ворочалась, а потом встала, заранее сходила в сарай, наказала курам да кролам не передохнуть рань-

ше времени, постояла на крыльце, запоминая каждый уголок покрытого сизым инеем двора. Вроде опостылело все, но все равно сердцу дорого, – трепещет оно, хоть плачь.

Но потом махнула рукой, воротилась в дом. Кашу на завтрак сварила, Маринку разбудила, потом Коленьку. Что горевать, новую жизнь начинать надо. Смешно, конечно. Жизнь вроде как одна, но успокаиваешь себя, будто она, осененная надеждами и мечтами, заново вдруг начнётся.

А она началась. Сразу за порогом. Когда по замерзшим колдобинам с сумками наперевес торопились к автобусу. Еле успели, взмокли, выдохлись. Расселись в пустом салоне на разные места, переглядываясь и смеясь. Надя тряслась от волнения. А Маринка потешно закатывала глаза и, утешая растерянного Кольку, рассказывала ему историю, как по молодости точно с такой же скоростью убегала от Макарыча из колхозного сада, боясь получить хворостиной за сворованные наливные груши...

Еще почти час до города, а потом им с объемной поклажей пришлось с пересадками добираться до Маринкиной квартиры. А там Наде спешно переодеваться, и чтобы не опоздать – вызывать такси и ехать на работу.

Ох, как у нее голова шла кругом! Волновалась, что люди подумают! В первый день на работу и сразу на такси.

Маринка только посмеивалась и махала на Надю руками, тайком утирая слезы.

Но и вправду, зря Надя переживала. Не знали ее еще, никто особого внимания не обратил, и до приемной она дошла спокойно, без приключений.

Без пяти девять Надежда уже снимала пальто и вешала его в большой встроенный шкаф-купе. Там же, смотрясь в зеркальные двери, прихорашивалась, поправляла идеально за-

чесанные и убранные в пучок волосы, приглаживала на теле строгое серое платье-футляр с черным воротничком. Училка, как есть училка.

Без двух минут, затаив дыхание, постучалась в кабинет к Светлову. Он пришел наверняка намного раньше, но она ведь не опоздала? Он сам назначил время...

– Да-да, войдите, – донесся из кабинета чуть хриплый мужской голос, и Надя открыла дверь.

Она ожидала увидеть все, что угодно: уставшую физиономию невыспавшегося директора и кучу бумаг или, наоборот, идеальный порядок на столе, да даже Светлова, раскладывающего пасьянс на компьютере. Но только не Женичку Бочкареву.

Она сидела в своей новенькой модной белой шубке, коротком черном облепляющем ореховый зад платьишке, развалившись на маленьком диванчике и закинув ногу на ногу. Светлов стоял рядом, лицом к окну, и смотрел на внутренний двор фабрики.

Женичка окинула презрительным взглядом Надю, довольно щелкнула языком и без приветствий, опережая Светлова, заявила:

– Опаздываете, милочка.

Надя под этим взглядом растерялась. И сразу расстроилась.

– Женя, прошу тебя, перестань, – вмешался Светлов, обращившись к ней. – Она ничуть не опоздала. Доброе утро, Надежда,

проходите, присаживайтесь.

Он указал на большой удобный стул и чуть улыбнулся.

– Доброе утро. – Ровно, вопреки стучащему как у зайца сердцу, ответила Надя и села на указанный стул. Женичка обиженно поджала губы. Светлов прошел к огромному письменному столу и сел в свое кресло.

Воцарилась тишина.

Надя сидела с натянутой улыбкой, боясь шелохнуться, Женичка сверлила взглядом черепушку Светлова, а тот, сложив руки на груди, немигающим взглядом отправлял какую-то определенно умную мысль в пустую головешку своей пассивности.

– Хорошо, – сдалась Женичка, отводя взгляд и демонстративно грустно вздохнув. – Я думаю, что ты справишься, дорогой. Не забывай о нашем ночном разговоре. Мне бы не хотелось с тобой ругаться.

Затем она, не дожидаясь ответа, резко встала, еще раз облила Надежду кислотным взглядом и, вихляя задом, вышла из кабинета.

– Надежда, прошу простить за эту демонстрацию отношений. Я рад вас снова видеть. Как добрались?

С места в карьер. От волчары, готового разодрать в клочья зазнавшуюся самку, до обаятельного и улыбочивого начальника, – разбег в две секунды.

Надя поежилась, но ответила тоже с улыбкой:

– Спасибо, хорошо.

Светлов еще помолчал, что-то прикидывая и заглядывая в блокнот, а затем выдал неожиданную речь:

– Надежда, я считаю, что вчера произошло недоразумение.

Одна фраза и пауза в две секунды, а в голове у Нади целый табун мыслей проскакал: и о вечерних срочных сборах, и о поездке с баулами, и о Маринкиной маленькой для целой семьи квартире, и о курах, оставшихся сиротами, и о чертовых этих банкирах, звонящих чуть ли не каждую неделю, которые только и могут, что угрожать да запугивать. И все это, наверное, Светлов успел прочесть на ее лице, потому как нахмурился, тяжело вздохнул и начал заново.

– Надежда, понимаете, обычно я не подхожу так легкомысленно к подбору персонала, и сотрудников выбираю очень тщательно, – припечатал он. – А вчера, под натиском эмоций, мой выбор пал на вас. Конечно, только я ответствен за все это, но тем не менее мне нужен компетентный сотрудник.

Надя кивнула и немного дрожащим от волнения голосом ответила:

- Я понимаю, Сергей Анатольевич.
- Работы будет много.
- Хорошо, – не сдавалась она.
- Я очень строгий и порой чрезмерно вспыльчивый.
- Я учту, – заверила Надя.
- Я буду дергать вас по разным мелочам, вы должны будете полностью включиться в процесс моей работы, чтобы

понимать, о чем идет речь.

– Я включусь!

– И еще я очень требователен. Во всем должен быть идеальный порядок. В каждой мелочи, – Светлов прищурился и подался вперед, сверля Надю глазами.

– Я тоже люблю порядок! – несмело улыбнулась Надя, чувствуя, как от напряжения сводит скулы.

– Вам очень нужна работа, да? – подытожил Светлов, внимательно изучая ее лицо.

– Очень, да. Очень – очень.

– Расскажите?

– У меня огромный кредит, доставшийся в наследство от бывшего мужа и сын, – резюмировала Надя. Ну а что ходить вокруг да около. Пусть сразу знает, что у нее назад пути нет.

– Понятно. Кем вы хоть работаете, Надя?

– Кладовщиком в нашем сельхозкооперативе в Преображенке. Но сейчас практически работы нет, и я сижу дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.